

Оскар НИКИЧ

ЖВАНД-У-ЖВАК, или Кое-какие личные дела

(ОТРЫВОК ИЗ СЦЕНАРИЯ)

КОГДА-ТО в «Афгане» сержант Коломина по прозвищу «Лом» спас жизнь Коле Ярцеву. Потом пути их разошлись: Ярцев был тяжело ранен и лишь ценой огромных усилий — после нескольких госпиталей, инвалидности — добился возвращения в «нормальную» жизнь. Коля уверен, что Коломина нет в живых — он сам ездил на похороны в родную деревню «Лома», сам бросил горсть земли на его запаянный «цинк». Тем неожиданнее для него встреча с живым Коломиным.

«Лом» разыскал его в Москве. Ему, ставшему за эти годы профессиональным преступником, убийцей, срочно нужна помощь Ярцева. В одиночку невозможно освободить младшую сестренку «Лома», захваченную в качестве заложницы подпольным хозяином брата...

Так завязывается сюжет нового сценария Оскара Никича. Но не только увлекательное зрелище обещает будущий фильм. Имя автора известно по ряду кино- и телефильмов, давших немало пищи для размышлений и дискуссий («Иванцов, Петров, Сидоров...», «Затишье», «Печники», «Отцы и дети», «Первый парень», «Знак беды», «Дубровский»). Новый сценарий займет особое место в этом ряду, поскольку посвящен нашим современникам и — что сегодня наиболее удивительно — полон уверенности в победе человеческого достоинства.

Не все знают, что работу в кино О. Никич начал с режиссуры. И вот после долгого перерыва

он вновь обращается к своей первой кинопрофессии, готовясь поставить фильм по сценарию, отрывки из которого мы публикуем сегодня. Двухсерийный телевизионный и односерийный варианты для кинопроката должны быть сняты в 1992 году.

Такси уехало.

Он прошел через арку в полутемный двор. Вгляделся. Номера машин, стоявших неровной шеренгой, были сплошь тульскими.

Неужто мимо?.. Он прошел дальше... Нет... Еще раз оглядел двор — куда здесь можно было приткнуть машину?.. Уже не надеясь, заглянул за трансформаторную будку... ЕСТЬ! Красные «Жигули» с подмосковным номером!.. Он бросил взгляд вверх — в многоэтажной громаде дома светились лишь столбцы окошек над подъездами. Дом спал...

На нужный этаж поднялся пешком — ноги в кроссовках ступали бесшумно. Прислушался... Лишь дальние ночные шумы со станции да ровное гудение труб где-то в недрах дома...

Он осторожно достал из сумки, висевшей на плече, шахтерскую каску, надел. Включил яркий фонарик над козырьком. Можно работать...

Дверь была ему хорошо знакома. Он повозился немного с отмычками, потом достал из сумки ломик-«фомку», отжал дверную коробку — и замок поддался. Он аккуратно убрал инструменты, выключил лампочку на каске и неслышно вошел, прикрыв за собой дверь.

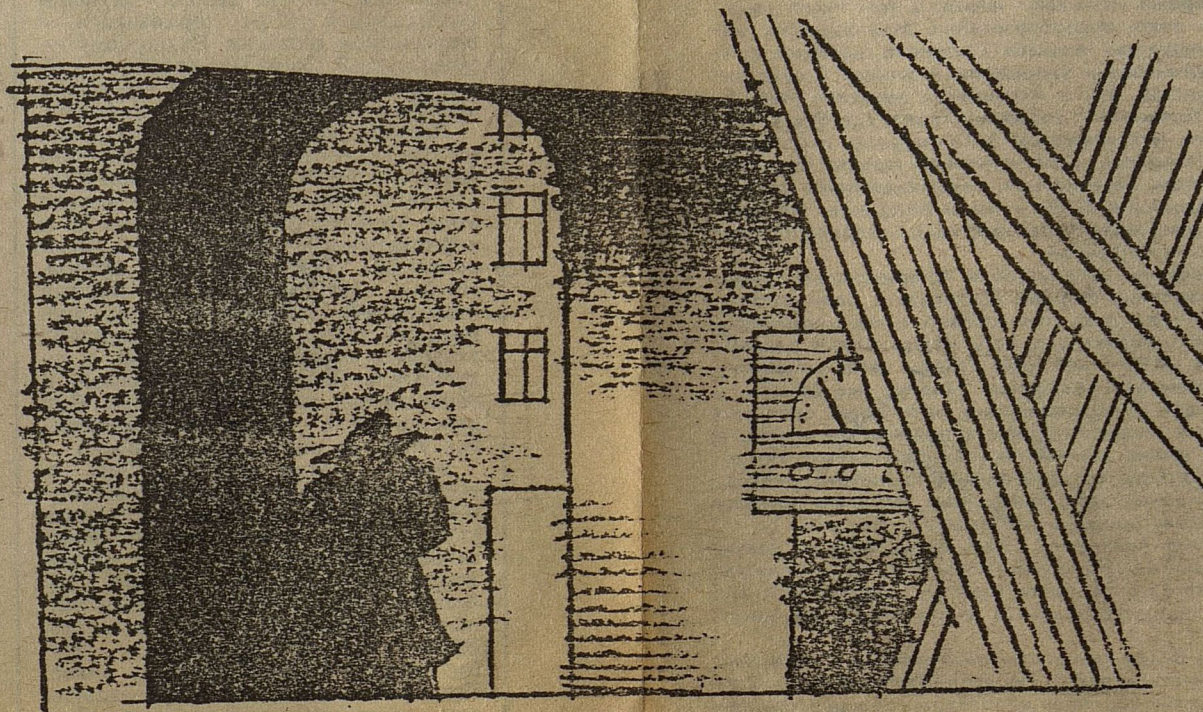
(На языке пушту «жванд-у-жван» означает «житье-бытье», «жизнь как жизнь»).

(Окончание на 8—9-й стр.).

Экран и сцена - 1991 - май (№18) - с. 18-9

Оскар НИКИЧ

ЖВАНД-У-ЖВАК, или Кое-какие личные дела

Гость вопросительно глянул на начальника стеклодувов. Тот пояснил:

— Ярцев Николай. Молодой. Но работает без брака. По общественной линии, конечно, не очень — из комсомола ушел. Но воевал, имеет боевые награды. Лицо Коли зло твердеет:

— Дело будем делать или характеристику писать? Гость поощрительно улыбнулся ему, кивнул начальнику:

— Герой... По всем статьям герой...

— Заткнулся бы ты, умник, — отчетливо выговаривает Коля. — Работать своих не научил — помалкивай! Или взрываешься сам. Понял? Гость поблудел, недолгая улыбка скривила рот... И насчет геройства — не твоего ума дело! — Коля снимает синие очки, лицо спокойное. Даже безучастное.

— Правильно, Коля, — поддержал один из стеклодувов. — Нехай горят синим пламенем, если ампулы отпаять не умеют. Не ходи!

Старший из стеклодувов тоже кивнул:

— Им премии дадут, ордена. А тебе — веночек от профкома...

Гость пришел в себя:

— Поймите, товарищи, начать работу заново — значит потерять полгода. Не говорю уже о потерянных средствах. Сами знаете, в каком положении страна, наука! В какой гонке мы участвуем...

Ярцев подходит к нему почти вплотную:

— Сказано же: заткнись! Какое стекло на установке?

— «Молибден»...

Коля повернулся к начальнику — тот сообразитель-но кивнул:

— Сейчас подошло. Возьми у меня «переноску».

Шланги и баллоны уже послал. А грубить не надо, Борис Палыч — человек заслуженный...

— Вот из-за этих заслуженных мы все и в дерьме...

Коля развернулся, быстро подошел к своему рабочему месту, сунул в карман халата пинцет, моток асбестового шнура. Сосед протянул медную проволоку:

— Пригодится...

Коля взял.

— Резачком возьми, — подсказал начальник. — Пицены...

Коля ничего не ответил, только зло зыркнул в его сторону.

С улицы доносится приближающийся вой сирен пожарных машин.

Петрович уже развернулся на своей табуретке, включил горелку. Бросил в пространство, ни к кому не обращаясь.

— Дураками не беднела русская земля...

Коля кивнул ему:

— Это точно...

И пошел к выходу. Начальник распахнул дверь, гость отступил, уважительно пропуская Ярцева.

— Ни пуха... — проскрипел след Петрович.

— Да пошли вы все... — отозвался выходя Коля.

Мимо двери, гомоя и переговариваясь, спешит поток эвакуируемых сотрудников...

— Спала. Ничего не знаешь. Эта... — он повел ство-лом, — пусть тоже язык проглотит. Или...

— Не надо, — перебила «Маркиза». — Мы тоже шу-ток не любим. А с этими что?..

— Разберешься.

Он повернулся и вышел из комнаты. Белобрысую деваху, судя по звуку за его спиной, уже рвало...

Ночное шоссе несется ему навстречу. Он сидит за рулем «Жигулей» — крупный, в плаще с поднятым воротником. Сумка с «инструментами» лежит рядом на сиденье. Редкие встречные машины проскакивают мимо, пряча свет фар. Высветился впереди большой указатель: МОСКВА — 120 км...

Широкая огненная струя, вырываясь из тупоры-лой горелки, бьет в розовато-светящийся кусок тон-кой стеклянной трубочки, которая осторожно навива-ется на серебристую кварцевую трубку. Руки стек-лодува медленно поворачивают образующуюся стеклянную спираль... Тихо гудит огненная струя...

Рядом другой стеклодув на коптящем желтом фа-келе пламени мягко вращает сложное хитросплетен-ные спаянных шариков и колб, «отпускает», как го-ворят стеклодувы.

Коля Ярцев, сдвинув на лоб синие защитные очки, замеряет штангенциркулем замысловатое из-делие из кварцевого стекла. Сверяется с чертежом на «миллиметровке», лежащим сбоку на покрытом асбестовой тканью столе. Надвинув на глаза очки, вновь включает кислород — пламя горелки сразу по-голубело, гуденье перешло в свистящий вой. Голубое острое огня уперлось в стенку трубки, плавяще-ся пятно засветилось сперва красновато, потом все светлей и наконец засияло... Коля осторожно дох-нул в резиновую трубочку, соединяющую с дальним концом трубки — проплавленная лужица выпятилась прозрачным пузырьком. Голубое пламя заставило пузырек стянуться к истоку — Коля дунул сильнее, — и светящаяся перепонка выплеснулась наружу боль-шим, мгновенно стекленеющим шаром. Осторожно отведя от воющего огня хрупкую конструкцию, Ко-ля вновь убавляет пламя, сдвигает на лоб очки. Лег-кими движениями разбивает получившийся шарик — стеклянная скорлупа оказывается столь тонкой, что разрушается почти беззвучно. Замерив диаметр ос-тавшегося вокруг отверстия бортика и сверясь с чер-тежом, Коля с удовлетворением хмыкает: все точно...

Обитая асбестовой тканью дверь распахивается — входят двое. Лица у обоих встревоженные, серьез-ные. Тот, что постарше, в синем сатиновом халате с меткой на кармашке — звонко стучит стеклянной па-лочкой по стоящей в углу стеклянной трубе.

Стеклодувы поворачивают головы — начальник в синем халате нетерпеливым жестом призывает не-медленно прекратить работу. Снова стучит по стек-лянной трубе.

Стеклодувы один за другим выключают горелки. Колю трогает за рукав сосед, показывает на пришед-ших. Ярцев, кивнув, сдвигает на лоб синие очки, по-ворачивается на табуретке к вошедшим.

— Товарищи стеклодувы, — прокатываясь, шипит начальник мастерской. — Срочно прошу внимания. Борис Палыч вводит в курс дела.

Стоящий рядом молодой мужчина в белом ха-лате кивнул, снял от волнения очки:

— У нас «Че-Пэ», товарищи. Отдел выполняет важ-ное задание. Очень важное. Срочное. Наш сотрудник стал отпавлять ампулу на вакуумной установке. Штан-ного стеклодува не было — в итоге трещина. А по-падания кислорода внутрь допустить нельзя. Взрыв-ная реакция. Плюс продукт высокой токсичности... Я приказал прекратить работу. Всё произошло толь-ко что... Вещество заморожено, но просачивание уже пошло...

— А штатный-то ваш где? — поинтересовался кто-то.

— В отпуске. Риск, товарищи, не имею права скры-вать — очень большой. Все верхние этажи срочно эвакуируются... Включена система спецвентиляции. Через пять минут доставят защитные средства для того, кто будет заплавлять трещину. Риск, повторяю...

— Ясно, — перебивает его начальник мастерской. — Есть трещина в стекле. А стекло — это наше дело. Запаять надо срочно — вакуум уходит. И, как пре-дупредил Борис Палыч — кто возьмется, имеет шанс аж на тот свет. Нужен доброволец. И быстро...

Он обводит взглядом стеклодувов — их пятеро, но ни один не высказывает желания быть добровольцем.

На Колином лице тоже не видно энтузиазма.

— Насчет премии или там отгулов за такое де-ло, — поспешно уточняет начальник, — я уж не стал говорить. Это само собой...

— А у них ведь допуск нужен... — буркнул кто-то.

— Уладим, — бодро заверяет начальник.

«Борис Палыч» подтверждающе закивал.

Но стеклодувы лишь искоса переглядываются, не поднимая голов.

— Ну что ж... — закричал начальник. — Придется напомнить... Долг коммуниста... Кто еще не перестал считать себя...

Кривые ухмылки скользнули по лицам.

— Кончайте вы... — Голос у Коли негромкий, но рез-кий... — Тут у всех дети, у Петровича — даже внуки...

Стеклодувы с облегчением заулыбались. Действи-тельно, все они старше Ярцева.

— Ну и что? — хмурится начальник.

— ...А я бездетный, холостой... — равнодушно по-жимает плечами Коля. — Хотя мне на все эти ваши «особо важные»... — Он встает. — Ладно, пошли, чего зря болтать...

ство тоже отступило, стало отходить, делови-говариваясь вполголоса... Останавливать Яр-кто не стал...

В лаборатории действительно тесно. К протиснулся в узкое пространство между д-стоколами стеклянных и металлических тру-тенных в замысловатые сети со множество-лей, выключателей, ответвлений, приборов... гудит вакуумный насос...

Нужная ему ампула — вот она, еле ви-широкогорлого «дюара» с жидким азотом, ного красным крестом. Здоровенная ампул-мов на сто пятьдесят, судя по диаметру. А она крепится-то? Неужто на этом отросточ-рый надо отпаять?.. Ну, бандиты...

Вот оно, утолщение в шейке ампулы. И трещина, свернула кривым изгибом...

Коля кинул взгляд на вакуумметр, закр-сбоку, — стрелка указателя застыла недале-красной черты, нарисованной поверх стекле-А руки уже сами достали асбестовый шну-

— надо было сперва позабиться о к-этой бомбочки... Обмотать прямо под бок-росточком ампулы, прямо по вмиг закрепи-верхности у края «дюара» — та-ак... завяз-рожно, осторожно... — теперь закрепить з-ага, за вот эту лапку штатива... Как стрелоч-не поползла...

Вспыхнул, заострился огненный язычок-теперь осторожно пронести пламя, не трон-него частокола... Так... Придержать на вс-чай пинцетом ампулу. Можно начинать...

Пламя осторожно лизнуло отросток над-нием с трещиной, скользнуло вокруг сте-перешейка...

Стрелка вакуумметра дрогнула и пополз-ной черте...

Лицо Коли напряглось, затвердело. Пла-ки, обогнув утолщение, уперлось ярким ост-чком в район трещины...

Стрелка на миг приостановилась...

И в тот же самый момент Коля услышал е-ный звонящий треск — верхней, увидел, как-метнулась дальше, криво пошла вверх.

Язычок пламени заострился, побелел, стекло вокруг трещины красновато засвети-Ползет стрелка, ползет... Уже вплотную той черте...

Пальцы левой руки побелели от напряже-живая пинцетом ампулу. А в правой при-

вовсе виртуозничать — плясать пламенем-вокруг всего утолщения, не забывая плава-на пути трещины, и при этом двумя паль-

е руки двигать сбоку в пламя заготовле-этой цели стеклянную палочку с оттянутой-кончиком. Вот на кончике засветилась кап-плавленного стекла — туда ее, туда, в-рающийся на глазах край трещины! Успеть! Э-бы руку...

Стрелка достигла запретной черты. Пул-как взбесившийся метроном...

Пот на лбу — не каплями, подтеками: хор-вы густые — не дают попасть в глаза слез-ге...

Стрелка уже за красной чертой... Пульс-лушающее...

На лестничной площадке — тот же з-звук. Это кто-то, измученный напряжени-большие карманные часы... Секундная ст-жит по кругу циферблата...

«Борис Палыч» опять первым услышал —ся по коридору навстречу выходящему из-ри Ярцеву.

Коля устало тащит за собой смотанные-шланги. На нетерпеливый вопрос равнодуш-мает плечами, кивает назад, в сторону лаб-

— Смотрите сами...

«Борис Палыч», мелькнув белым халатом-ется в лаборатории.

Увидя приближающееся с одобрительн-ками и раскрытым для рукопожатий лабо-ститутское начальство, Коля круто свори-мужской туалет...

Цок-цок-цок-цок... — звонко стучат по па-ские каблучки... Через огромный пустой-Генерального директора — мимо длинного-ванного стола, мимо роскошного письмен-ла и столика со множеством телефе-

кая рука с маникюром толкнула незаме-ди деревянных панелей дверку — открыла-да для отдыха... Здесь совсем другая

мягкие кресла, диван, телевизор с видеоп-ковер на полу...

Люда поставила чашечки с дымящимся-низкий столик, за которым сидят Генераль-цев. Мягко улыбнулась Коле и выжидающе-ла на шефа, поправив модные очки.

— Спасибо, Людочка, — рокотнул Гене-подкинул чашечку к Ярцеву: — Угощайся-натуральный бразильский...

Цок-цок-цок-цок... — зацокали, удаляясь-ки...

Генеральный отхлебнул кофе, подождл, нет дверь кабинета, и поднял глаза на Яр-

— ...Кто тебя подкупает? Да еще за так-ную сумму?.. Какие еще, извини, на хрен, соображения? Что за дурь, извини!...

Коля молча слушает, не отвечая.

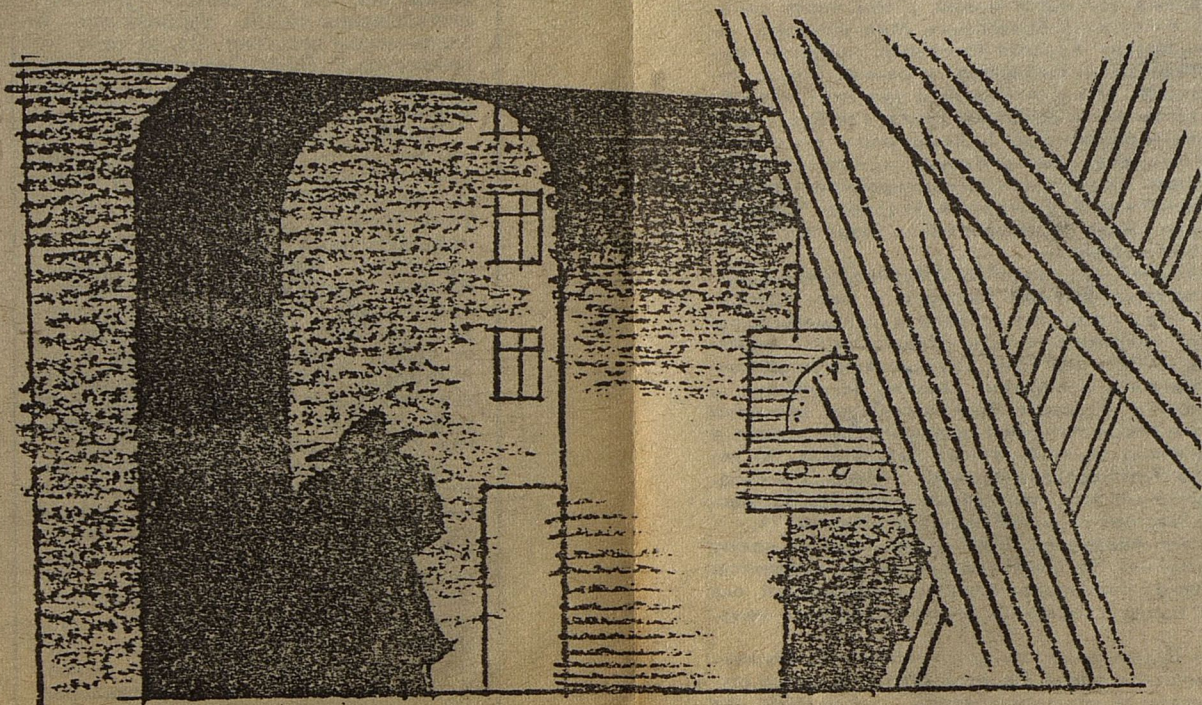
— ...Зачем тебе это? Я понимаю, был бы-какой-нибудь... Или капризный мальчик и-

сорской семьи. Но ты же нормальный па-ец! Я же помню, как ты на костылях при-

том с палочкой... Помню! — В глазах Ген-

Оскар НИКИЧ

ЖВАНД-У-ЖВАК, или Кое-какие личные дела

Гость вопросительно глянул на начальника стеклодувов. Тот пояснил:

— Ярцев Николай. Молодой. Но работает без брака. По общественной линии, конечно, не очень — из комсомола ушел. Но воевал, имеет боевые награды.

Лицо Коли зло твердеет:

— Дело будем делать или характеристику писать? Гость поощрительно улыбнулся ему, кивнул начальнику:

— Герой... По всем статьям герой...

Заткнулся бы ты, умник, — отчетливо выговаривает Коля. — Работать своих не научил — помалкивай! Или взрываешь сам. Понял? Гость поблудил, неловкая улыбка скривила рот. — И насчет геройства — не твоего ума дело! — Коля снимает синие очки, лицо спокойное. Даже безучастное.

— Правильно, Коля, — поддержал один из стеклодувов. — Нехай горят синим пламенем, если ампулы отпаять не умеют. Не ходи!

Старший из стеклодувов тоже кивнул:

— Им премии дадут, ордена. А тебе — венки от профкома...

Гость пришел в себя:

— Поймите, товарищи, начать работу заново — значит потерять полгода. Не говорю уже о потерянных средствах. Сами знаете, в каком положении страна, наука! В какой гонке мы участвуем...

Ярцев подходит к нему почти вплотную:

— Сказано же: заткнись! Какое стекло на установке?

— «Молибден»...

Коля повернулся к начальнику — тот сообразительно кивнул:

— Сейчас подошло. Возьми у меня «переноску». Шланги и баллоны уже послал. А грубить не надо, Борис Палыч — человек заслуженный...

— Вот из-за этих заслуженных мы все и в дерьме... Коля развернулся, быстро подошел к своему рабочему месту, сунул в карман халата пинцет, моток асбестового шнура. Сосед протянул медную проволоку:

— Пригодится...

Коля взял.

— Резачок возьми, — подсказал начальник. — Пинцет...

Коля ничего не ответил, только зло зыркнул в его сторону.

С улицы доносится приближающийся вой сирен пожарных машин.

Петрович уже развернулся на своей табуретке, включил горелку. Бросил в пространство, ни к кому не обращаясь.

— Дураками не беднела русская земля...

Коля кивнул ему:

— Это точно...

И пошел к выходу. Начальник распахнул дверь, гость отступил, уважительно пропуская Ярцева.

— Ни пуха... — прокрипел вслед Петрович.

— Да пошли вы все... — отозвался выходя Коля. Мимо двери, гомоня и переговариваясь, спешит поток эвакуируемых сотрудников...

Коридор перегороден. Двери всех лабораторий распахнуты настежь. Ни души. Два длинных шланга, извиваясь, тянутся вдоль коридора, исчезая за одной из дверей. Напряженная тишина.

За уступом коридора, на узкой лестничной площадке нервно курит институтское начальство. Тут же двое офицеров-пожарников. В руке у одного из них — переговорное устройство. Здесь же и «Борис Палыч» в белом халате, и начальник стеклодувов. Все молчат, прислушиваются. Поодаль, у стены, стоят два баллона, от которых тянутся в коридор шланги...

На звук шагов первым выскакивает «Борис Палыч», кидается навстречу выходящему в коридор Коле:

— Ну как?

Коля сдирает с головы противогазную маску. На нем полный армейский костюм химзащиты, который Ярцев тут же начинает сдирать с себя. Подошло «начальство».

— Что происходит? Объясните!

— Не слышит он... — тихо подсказывает начальник стеклодувов.

Взмолкший Коля стягивает с себя всю защитную амуницию, обращает наконец внимание на подошедших. Зло сплевывает:

— Там и голышом-то не развернуться, не то что в эдакой сбруе...

«Борис Палыч» озабоченно замотал головой:

— Опасно...

Еще один из подошедших, мужчина с лицом язвеного больного, тоже запротестовал:

— Без защитных средств в такой ситуации никак нельзя...

Но Коля уже сбросил резиновые бахилы с ног, встряхнул с облегчением. Пул ногой сброшенную амуницию:

— Для рыбалки, говорят, хорош... Или в говне поплавать...

— Нельзя, Николай, — мотает головой «Борис Палыч». — Опасно...

Но Ярцев знает магические слова. Всего-то четыре словечка:

— Под мою личную ответственность...

Сказал — и сразу лица стали другими: и озабоченными донельзя, и удовлетворенными... А у «язвенника» в руках плоская папка появилась. Раскрыл, протягивает вместе с авторучкой:

— Внизу, пожалуйста...

Коля взглянул — лист был чистым. Перевел взгляд на владельца папки:

— Охрана труда? Молодец...

— Текст мы печатаем, — деловито заверяет «язвенник».

Никакой иронии — одна лишь спокойная грусть в немгающем Колином взгляде. Расписался. Вернул папку.

— Может, еще кому автограф?

И, не дожидаясь ответа, пошел обратно в лабораторию, подтягивая на ходу, как водолаз, свисающие в кольца шланги.

Один из пожарников подхватил защитный комплект, противопогаз — понес из опасной зоны. Началь-

ство тоже отступило, стало отходить, деловито переговариваясь вполголоса... Остановившись Ярцева никто не стал...

В лаборатории действительно тесно. Коля уже протиснулся в узкое пространство между двумя часточками стеклянных и металлических труб, сплетенных в замысловатые сети со множеством вентилей, выключателей, ответвлений, приборов... Ровно гудит вакуумный насос...

Нужная ему ампула — вот она, еле виднеется из широкогорлого «дюара» с жидким азотом, помеченного красным крестом. Здоровенная ампулка, граммов на сто пятьдесят, судя по диаметру. А как же она крепится-то? Неужто на этом отросточке, который надо отпаять?.. Ну, бандиты...

Вот оно, утолщение в шейке ампулы. И вот она, трещина, свернула кривым изгибом...

Коля кинул взгляд на вакуумметр, закрепленный сбоку, — стрелка указателя застыла недалеко от красной черты, нарисованной поверх стекла...

А руки уже сами достали асбестовый шнурок, пинцет — надо было сперва позаботиться о креплении этой бомбочки... Обмотать прямо под боковым отросточком ампулы, прямо во вмятку закипевшей поверхности у края «дюара» — та-ак... завязать осторожно, осторожно... — теперь закрепить за что-то, ага, за вот эту лапку штатива... Как стрелочка? Вроде не поползла...

Вспыхнул, заострился огненный язычок горелки... теперь осторожно пронести пламя, не тронув соседнего часточка... Так... Придержаться на всякий случай пинцетом ампулу. Можно начинать...

Пламя осторожно лизнуло отросток над утолщением с трещиной, скользнуло вокруг стеклянного перешейка...

Стрелка вакуумметра дрогнула и поползла к красной черте...

Лицо Коли напряглось, затвердело. Пламя горелки, обогнув утолщение, уперлось ярким острым язычком в район трещины...

Стрелка на миг приостановилась...

И в тот же самый момент Коля услышал еле слышный звенящий треск — верхней, увидел, как трещина метнулась дальше, криво пошла вверх.

Язычок пламени заострился, побелел, взвыл — стекло вокруг трещины красновато засветилось...

Ползет стрелка, ползет... Уже вплотную к проклятой черте...

Пальцы левой руки побелели от напряжения, удерживая пинцетом ампулу. А в правой приходится и вовсе виртуозничать — плясать пламенем горелки вокруг всего утолщения, не забывая плавить стекло на пути трещины, и при этом двумя пальцами той же руки вдвигать сбоку в пламя заготовленную для этой цели стеклянную палочку с оттянутым острым кончиком. Вот на кончике засветилась капелька расплавленного стекла — туда ее, туда, в разрезжающийся на глазах край трещины! Успеть! Эх, третью бы руку...

Стрелка достигла запретной черты. Пульс стучит, как взбесившийся метроном...

Пот на лбу — не каплями, подтеками: хорошо, брови густые — не дают попасть в глаза слезящей влаги...

Стрелка уже за красной чертой... Пульс стучит оглушающе...

На лестничной площадке — тот же тикающий звук. Это кто-то, измученный напряжением, достал большие карманные часы... Секундная стрелка бежит по кругу циферблата...

«Борис Палыч» опять первым услышал — бросился по коридору навстречу выходящему из лаборатории Ярцеву.

Коля устало тащит за собой смотанные в кольца шланги. На нетерпеливый вопрос равнодушно пожимает плечами, кивает назад, а сторону лаборатории.

— Смотрите сами...

«Борис Палыч», мелькнув белым халатом, скрывается в лаборатории.

Увидя приближающееся с одобрительными улыбками и раскрытым для рукопожатий ладонями институтское начальство, Коля круто сворачивает в мужской туалет...

Цок-цок-цок-цок... — звонко стучат по паркету высокие каблучки... Через огромный пустой кабинет Генерального директора — мимо длинного полированного стола, мимо роскошного письменного стола и столка со множеством телефонов... Узкая рука с маникюром толкнула незаметную среди деревянных панелей дверку — открылась «комната для отдыха»... Здесь совсем другая мебель — мягкие кресла, диван, телевизор с видеоприставкой, ковер на полу...

Люда поставила чашечки с дымящимся кофе на низкий столик, за которым сидят Генеральный и Ярцев. Мягко улыбнулся Коле и выжидательно глянула на шефа, поправив модные очки.

— Спасибо, Людочка, — рокотнул Генеральный и подвинул чашечку к Ярцеву: — Угощайся, Николай, натуральной бразильской...

Цок-цок-цок-цок... — зацокали, удаляясь, каблучки...

Генеральный отхлебнул кофе, подождет, пока хлопнет дверь кабинета, и поднял глаза на Ярцева:

— ...что тебя подкупает? Да еще за такую мизерную сумму?.. Какие еще, извини, на хрен, «идейные соображения»? Что за дурь, извини!

Коля молча слушает, не отвечает.

— ...Зачем тебе это? Я понимаю, был бы горлопан какой-нибудь... Или капризный мальчик из профессорской семьи. Но ты же нормальный парень!.. Бо-е! Я же помню, как ты на костылях приходил, потом с палочкой... Помню! — В глазах Генерального

блеснула гордость собой, он вдохновился, встал, заходил по мягкому ковру: — И сегодня!.. Не хочу говорить громких слов... Но ведь спас! — он вскинул палец, потряс им и отчески улыбнулся Ярцеву. Натолкнулся на его немигающий спокойный взгляд. Сразу присел, доверительно понизил голос: — Те-ма-то под особым контролем... Не только Институт, все Эн-Пэ-О висело... Случись что — отсеки б нам враз!.. Снабжение, финансирование — все!.. А ведь гласность... — Он кивнул на телевизор. — Ляпни какой-нибудь... И все! Ведь мы официально к обороне отношения не имеем...

— А зачем вы мне все это рассказываете?

— Чтоб знал, из какой дыры ты нас всех выволоч. Чтоб понимал, как увязаны все наши дела, масштаб понимал...

— Это не мои дела, — хмуро говорит Коля. Кофе стоит перед ним нетронутым. — Это ваши дела. Я думал, тут новые лекарства делают...

— И лекарства тоже, — улыбнулся Генеральный. По-своей подмигнул. — Но вообще-то вывескам не верь!.. Он снова встал, заходил по комнате. — Эх, надо б тебе сразу орден или медаль... но сам знаешь, как теперь с этим делом... — Подойдя к одной из стен, открыл неприметную дверцу, достал бутылку дорогого коньяка. — ...Хоть что-то...

Улыбнулся и поставил бутылку перед Колей:

— Возьми на память.

— Я не пью.

— Угостишь того, кто пьет. Спецразлив. Для иностранных берег.

Немигающий взгляд упирается в лицо Генерального:

— А если б все-таки рвануло?

— Если бы да кабы... — улыбается хозяин кабинета, но тут же сгоняет с лица улыбку. — Есть нарушение, есть. Ты прав. Накажем, кого следует.

— Кого вы накажете? Себя! — Невеселая усмешка кривит Колин рот. — Думал, хоть тут по-человечески. Лекарства все-таки, медицина, наука... Оказывается, и вы смерти служите, на войну работаете... Генеральный мягко улыбнулся, поправил:

— На оборону...

Коля отмахивается от его поправки. Генеральный разводит руками:

— Что поделаешь, полстраны на оборону пашет... Конверсия пока... — Он улыбнулся и неопределенно пошевелил в воздухе пальцами.

— Я смерти не помощник, — твердо перебивает Ярцев. — Я здесь работать не буду.

— Ну вот, опять двадцать пять... — добродушно рокочет хозяин кабинета. — Не спеши, подумай, с товарищами посоветуйся...

Коля качает головой:

— Вы себя уговорили — дело ваше. А меня — не надо. У каждого — своя совесть.

Директор глянул на него, усмехнулся. Кивнул крупной головой:

— Правильно мыслишь, молодец!

Ярцев обозлился:

— А что это вы мне все время «тыкаете»? Я вам не сынок, не родственник. И в близкие друзья не напрашиваюсь.

Генеральный директор внимательно посмотрел на него, улыбнулся. Застегнул пуговицу на пиджаке. Улыбнулся.

— Спасибо, Николай Юрьевич. Идите работайте, я вас больше не задерживаю... Заявление об уходе можете подать в отдел кадров...

Коля, кивнув, встает. Прихрамывая, выходит из кабинета. Слышны его удаляющиеся шаги по паркету. Слышно, как за ним закрывается дверь кабинета.

Директор тем временем убрал оставленную Колей бутылку обратно в потайной шкафчик. Нажал кнопку на пульте: «Слушаю!» — отозвался в динамике голос секретарши.

— Людочка, — рокотнул в микрофон Генеральный, — приказ на Ярцева у тебя?.. Сколько мы там ему?.. «Пятьсот». — Директор весело хмыкнул, глаза азартно блеснули. — Исправь на тысячу... Но с выплатой по итогам года...

Он щелкнул кнопкой и направился на рабочее место в отличнейшем настроении: ход казался беспримышным...

Конец дня. Улица рядом с НИИ, в котором работает Коля.

К автобусной остановке подкатывает длинный желтый «Икарус». Шумная толпа сотрудников института и работников экспериментального завода дружно втискивается в него, мгновенно заполняя все сиденья, проходы и площадки. Коля Ярцев оказывается в центре, почти притиснутым лицом к черной резиновой «гармошке», соединяющей половинки автобуса.

Наконец захлопываются двери, и «Икарус» трогается. Несмотря на тесноту, гомон и сдавленные голоса — незлые, без утробного раздражения: все-таки с работы, а еще светло. И тепло. Поэтому и шуточки, и веселый визг, и улыбки...

— Не оборачивайся, Яр... — внезапно слышит он над ухом голос «Лома». — Выйдем на следующей. Товарищи...

За спиной Коли сразу становится свободнее. Он поворачивается — прямо перед ним продвигается к выходу огромная фигура в плаще с поднятым воротником. «Лома» трудно спутать с кем-то даже с за-тылка...